

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

ПРОБЛЕМА ОБЪЕКТИВНОСТИ В СОЦИАЛЬНЫХ НАУКАХ

И. Качкачишвили

Кафедра социологии и социальной работы
Тбилисский государственный университет
ул. Чавчавадзе, 14, Тбилиси, Грузия, 0179

Анализируются основные подходы к проблеме объективности гуманитарного знания, предлагаются различные варианты ее решения, имеющиеся в современной западной социологии.

Исторический экскурс. Проблема объективности и субъективности в социальных науках имеет долгую историю и связана с анализом объективности-субъективности знания, т.е. представляет собой предмет эпистемологических исследований. Эпистемология глубоко и многосторонне отразила проблемы объективности знаний. Достаточно вспомнить школу софистов в античной Греции, в которой изучалась проблема критерия истинного знания, а человек (т.е. субъект) был объявлен мерой истины. Этим фактически была упразднена возможность обоснования истины, поскольку такая возможность существует лишь при признании объективности знания.

То, что объединяет все подходы к проблеме объективности-субъективности знания, в утрированном и упрощенном виде можно выразить следующим образом: источником объективности знания не может быть субъект, точнее, отдельный (или, как определял Кант, «эмпирический») субъект. Но оказалось, что многие явления не сводимы к отдельному субъекту, следовательно, могут выступать в качестве источников обоснования объективности. Укажем некоторые из таких явлений.

1. Существующее независимо от субъективного сознания «предметное обстоятельство» и возможность его отражения (вспомним классическое определение истины, данное Аристотелем: истинным является суждение, которое соответствует вещам).

2. «Трансцендентальное сознание» И. Канта, которое обосновывает необходимость и всеобщность знаний, т.е. объективность для каждого отдельного индивида. Трансцендентальный субъект действует на основе познавательных способ-

ностей (посредством чувствований и разума) и подчиняет себе предмет посредством категорий, в равной мере действующих в каждом отдельном человеке.

3. Закономерность самопознания «абсолютного духа» Г.В.Ф. Гегеля.

Специфика проблемы объективности в социальных науках. Какую специфику имеет проблема объективности, когда речь идет о социологии и в целом о социальных науках? Поиск обоснования объективности социальных знаний за пределами социального означает выход за рамки социальной науки и его редуцирование к социальной метафизике или к несоциальным, материальным субстанциям. По сути дела, для социальных наук критерий объективности должен определяться в рамках самого социального.

Если мы пойдем по этому пути решения данного вопроса, то следует указать по меньшей мере две социальные характеристики, которые необходимы для обоснования объективности:

1) объективность всегда связана с так называемой незаинтересованностью (*disinterestedness*). Это означает, что объективное знание о социальном может обеспечить лишь незаинтересованный исследователь, который «забудет» себя и станет «эмоционально нейтральным, когнитивно дистанцированным и морально индифферентным» [12. С. 172];

2) объективность неизбежно связана не с индивидуальным, а с коллективным социальным феноменом, что на языке социологии называется социальной структурой. Структура, во-первых, находится вне отдельного индивида и «существует» независимо от него и, во-вторых, является носителем детерминирующей по отношению к индивиду функции. Другими словами, объективность может быть связана с тем, что выражает коллективность, хотя ее характеризует не столько объективное, сколько псевдообъективное существование. Это своего рода квазиструктурная данность, которая привязана к ситуации, но она «больше», чем конкретная (частная) ситуация.

Необходимо отметить, что вовсе не обязательно, чтобы какая-то точка зрения (или теория) для признания ее в качестве объективистской отвечала бы обоим критериям. Более того, вполне возможно, что теории, отвечающие одному из критериев, приходят в противоречие друг с другом, т.е. дифференциация социальных теорий в соответствии с критерием субъективности и объективности не совпадает с другими критериями, например, с делением на микро- и макротейории. Ниже мы увидим, как теория М. Вебера, которая представляет собой образец микротейорий, признает объективность социального знания, как и макротейория Э. Дюркгейма.

В каких социальных теориях воплощены оба указанных принципа? На объективность как на «незаинтересованность» исследователя указывает М. Вебер. Он утверждает, что в науке нет места ни пророкам, ни демагогам, поскольку каждый из них пытается навязать аудитории религиозные догмы и политические идеи [1. С. 722].

Что касается тех социальных теорий, которые пытаются обосновать объективность в пределах легитимации структуры, то для них в качестве образца вполне

приемлема теория Э. Дюркгейма, который, определяя социальный факт, пишет: «Социальным фактом является всякий способ действий, устоявшийся или нет, способный оказывать на индивида внешнее принуждение; или иначе: распространенный на всем протяжении данного общества, имеющий в то же время свое собственное существование, независимое от его индивидуальных проявлений» [2. С. 39]. Данное определение четко указывает на то, что социальный факт, согласно Дюркгейму, существует независимо от индивида и обладает силой принуждения. Дюркгейм призывает изучать социальные факты как «вещи». Это означает, что знание о них должно быть объективным и, соответственно, превратиться в научное знание, подобное естественным наукам.

Объективность знания о социальном признает и теория систем Т. Парсонса. Как известно, среди характерных ориентаций личностной системы (т.е. организованной деятельности вокруг индивидуального актора) он выделяет когнитивную ориентацию («познаваемую схематизацию»). При когнитивной ориентации индивиды познают свойства социального объекта и определяют, «чем является этот объект», т.е. обретают объективное знание. Этим данная ориентация отличается от «катектической ориентации», которая рассматривает объекты через призму субъективности. Иначе говоря, катектическая ориентация определяет отношение индивида к миру объектов в соответствии с тем, что он получает от этих отношений и в чем эти отношения могут быть полезными для него. Характерно то, что указанную ориентацию Парсонс определяет как «оптимизацию удовлетворения». Таким образом, по мнению Парсонса, индивиды в рамках когнитивной ориентации должны заботиться не о субъективном впечатлении, а о восприятии объекта таким, каким он является сам по себе.

При этом главную цель познавательной схематизации — обретение объективного знания — Парсонс не оставляет лишь на уровне индивида. Он полагает, что объективное знание не достижимо без когнитивных стандартов, которые являются частью ценностной ориентации и относятся не к личностной, а к культурной системе. Посредством когнитивных стандартов устанавливается валидность познавательных суждений. Они помогают акторам в определении того, какие данные или информация являются значительными. Парсонс считает необходимым интернализацию когнитивных стандартов (ценностей) в личностной системе. В то же время указанные стандарты «подталкивают» индивида к правильному выбору.

То, что объективность не предполагает постижение субъектом независимой от него реальности, было известно также представителям «символического интеракционизма». Из трех постулатов, которые Г. Блумер формулирует, определяя это течение, однозначно следует, что предметы для индивидов существуют лишь на основе тех значений, которые для них имеют место, что эти значения формируются в контексте интеракции и что вместе с изменением контекста, меняются и значения [5. Р. 2]. Значит, предметы не имеют самостоятельных значений, они приобретаются в процессе интеракции, т.е. субъективно. Несмотря на это, интеракционисты подчеркивают, что значения только тогда становятся валидными, когда они гомогенны для других подобных контекстов, т.е. транситуативны. При-

знание того, что то или иное значение предмета является годным только для этой конкретной ситуации и не является значимым для любой другой, сделало бы невозможным не только понимание ситуации, но и саму коммуникацию. Как отмечают интеракционисты, весь процесс социализации, начиная с «игровой» ступени и заканчивая формированием «обобщенного другого», есть не что иное, как процесс приобретения и передачи значимых для культуры символов, что невозможно без существования транситуационных значений. Вместе с тем для транситуационных смыслов не характерна «полноценная» объективность, скорее квазиобъективность, поскольку они определяются контекстом.

Насколько возможно достижение объективности? Следующий вопрос, на который необходимо дать ответ, касается того, насколько возможно достижение объективного знания о социальном. Речь идет о методологии, которая должна обеспечить такую возможность.

Самая последовательная и признанная методология, которую социальные науки используют для обоснования объективности, — позитивистская. Исходным принципом позитивистской традиции является то, что общество и поведение человека должно изучаться методами естественных наук. Социологи должны следовать за представителями естественных наук и подобно им стремиться к достижению точных теоретических знаний. Не существует никакого дуализма между естественными и социальными науками, их цели и задачи аналогичны: прогнозировать социальное поведение; объяснять социальные явления и достигать объективного знания. Объективность может определяться «индифферентностью» исследователя в отношении явления. Подобное исследование дает точные и расширенные «законы» поведения человека. В рамках позитивистской парадигмы считается возможным распространение наблюдений за индивидуальным поведением на все общество.

Позитивисты придерживаются того мнения, что социальный и естественный мир подчиняются безальтернативным законам в бесконечной цепи причинно-следственных отношений. Основной целью научных исследований оказывается установление этих каузальных законов, что дает возможность объяснения и прогнозирования социальных феноменов. В рамках такого подхода социальная теория предстает в качестве эмпирически обоснованной, аксиоматически структурированной системы, которая способна измерить «социальные факты». В своем крайнем проявлении данная позиция выражена в следующем суждении: «Когда ты можешь измерить то, о чем говоришь и выразить это в цифрах, тогда ты действительно обрел знание; но если ты не можешь измерить и выразить в числах, твои знания ничтожны и неудовлетворительны» [8. Р. 307—308].

Таким образом, путь к объективным знаниям проходит через количественные методы исследования. Можно сказать, что объективность социального исследования означает репрезентативность его результатов, когда полученные знания валидны для всего объекта исследования.

Одним из самых влиятельных сторонников позитивистского подхода является Э. Дюркгейм. Он утверждал, что социология должна уподобиться естествен-

ной науке, которая использует количественные методы для установления причинных связей между социальными феноменами. В работе «Правила социологического метода» Дюркгейм утверждает, что представитель социальной науки должен по тем же правилам изучать социальные феномены по каким изучают свой предмет физики, химии или физиологи. В своей основной работе — «Самоубийство» — Дюркгейм реализует данный подход, пытаясь найти социальные причины феномена самоубийства.

Однако позитивистская методология не может быть признана единственным инструментом достижения объективного социального знания. К примеру, теория М. Вебера, которая по своему духу является антипозитивистской, не приемлет количественных методов и требований измеримости всех характеристик социальных объектов. На первый взгляд не существует инструментария, обеспечивающего объективность в рамках теории Вебера. Ведь исходными для него являются субъективные значения, возникающие в процессе интеракции, а не «объективно верные» смыслы. А субъективные смыслы «привязаны» к опыту, т.е. к социальному времени и пространству.

Вебер прекрасно понимает, что социология — это наука, которая не может существовать без хотя бы претензии на объективность. Но что должно обеспечить, по Веберу, объективность знаний, основанных на субъективных смыслах? Особое значение здесь приобретает теория «идеальных типов». Вебер задается вопросом: в какой мере используют социальные науки общие понятия? Вебер отрицает точку зрения, согласно которой социальные (культурные) феномены всегда историчны, то есть приобретают собственное значение в соответствии с тем, где, когда и как они появились. По мнению Вебера, любой научный дискурс в той или иной мере использует общие понятия, а социальные науки от естественных отличает то, что в них используются идеально-типовые понятия — «идеальные типы», которые являются концептуальными, теоретическими конструкциями, созданными представителями социальных наук для того, чтобы категоризация, анализ и сравнение наблюдаемых в социальном мире феноменов имели системный характер. Идеальный тип вовсе не оторван от реальности, он строится из характеристик, полученных на основе наблюдений за поведением и отношениями в реальной жизни. Эти характеристики описывают логически непротиворечивые, «чистые» (рациональные или эмоциональные) содержания. Они свободны от иррациональных (бессмысленных) мотиваций. Вебер пишет о том, что идеальный тип формируется на основе обобщения конкретных индивидуальных феноменов, их упорядочения и систематизации в соответствии с потребностями и представлениями исследователя [13. Р. 90].

Так создаются теоретические, «чистые» модели действия — идеальные конструкции, которые своеобразно «накладываются» на реальность, покрывают ее. Реальные действия не могут до конца исчерпать их. Идеальный тип является определенным спекулятивным стандартом, которому существующие явления либо соответствуют, либо нет. Таким образом, идеальные типы являются только аналитическим инструментом, с помощью которого осуществляется сравнение между

наблюдаемыми феноменами. Они используются в качестве сравнительных конструкций для интерпретации частных случаев. На основе сравнения идеальных типов возможно определение меры отклонения (девиации).

Вебер приводит такой пример: идеальный тип боевого сражения учитывает все основные компоненты боя: силы противника и его стратегию, средства их преодоления, ресурсы и вспомогательные силы, центры противника и особенности лидерства. Реальное сражение, как правило, не учитывает всех элементов. Однако установление и анализ конкретного сражения возможны только тогда, когда известны идеально-типические характеристики военного сражения вообще. Лишь в сравнении с ними устанавливается мера недостатков реального сражения [1. С. 624].

Одним из идеальных типов является бюрократия. К идеальным типам относятся также такие понятия, как «экономический обмен», «капитализм», «церковь», «секта», «христианство» и многие другие. Как идеальные типы Вебер рассматривает также четыре типа социального действия (целерациональный, ценностно-рациональный, традиционный и аффективный).

Вебер категорически заявляет, что целью идеального типа не является создание совершенного (абсолютного) образца. «Идеальное» не означает «нормативно желательного». Идеальные типы являются лишь тем методологическим инструментом, который должен обеспечить валидность представлений о социальной реальности. Соответственно, объективность знаний, согласно Веберу, есть не что иное, как обеспеченное идеальными типами познание. Сама теоретическая конструкция идеального типа является объективным социальным знанием.

Анализ веберовской концепции заставляет вспомнить кантовское понятие трансцендентального сознания. У Канта объективное познание осуществляют действующие во всех эмпирических субъектах общечеловеческие способности. Аналогичную идею встречаем у Вебера: идеальные типы получаются не на основе индивидуальных наблюдений, а посредством синтеза различных эмпирических наблюдений. Хотя очевидна и разница: Вебер принципиально допускает возможность построения различных, альтернативных идеально-теоретических конструкций, описывающих один социальный феномен, тогда как для Канта из противоречащих друг другу суждений истинным может быть только одно.

Наглядным примером того, как в рамках микросоциальной теории существует потребность в объективности, является «Этнометодологическое исследование» Г. Гарфинкеля. Этнометодологию от других микротеорий отличает ее «минимализм»: этнометодология делает акцент не на эмпирическом контексте социальной интеракции, а в первую очередь на самых незаметных, скрытых сторонах ситуации. Смыслом человеческой коммуникации, по Гарфинкелю, является не то, что говорится, а то, что не говорится. Гораздо значительнее то, что остается за рамками беседы, т.е. то, как общаются говорящий и слушающий невербально. Гарфинкель анализирует правила, которые используют люди имплицитно в повседневной жизни для осуществления конкретных действий. Результатом этого анализа являются «рефлексивные отчеты» (*reflexive accounts*), которые описывают

ежедневные практики и анализируют зависимость социальных практик от контекста коммуникации.

Гарфинкель полагает, что беседа как коммуникационная практика всегда использует «индексные выражения» — используемые в речи, отчасти сформулированные советы, частичные описания, непрямые высказывания, ситуативные замечания, аллегории и т.д. Особое внимание Гарфинкель обращает на особенности индексных выражений и на их значение для процесса коммуникации. Задачей этнометодологии является научный анализ рациональных свойств индексных выражений. Научный анализ беседы требует, чтобы происходила замена индексных выражений объективными. Другими словами, чтобы индексные выражения были бы «переведены» на гомогенный, типичный, интересубъективный, рациональный «язык». Посредством введения объективных выражений Гарфинкель пытается получить объективные знания о повседневной практике общения: «Различия между объективными и индексными выражениями являются корректными не только процедурно, их не сможет избежать тот, кто занимается наукой. Без преимущественного использования различий между объективными и индексными выражениями невозможно осуществление научного исследования — без этого любое научное приобретение было бы потерянным как в логике, так в математике и физике, и неточным наукам пришлось бы отказаться от доверия к ним» [7. Р. 5].

Гарфинкель указывает на то, что ни одна наука не может существовать без «объективных выражений», т.е. объективных знаний. Различие между объективными и индексными выражениями наиболее ярко проявляется в сравнении науки и искусства. Точные науки отличаются от «неточных» лишь тем, что в них замена индексных выражений объективными более формализована, тогда как для «неточных» наук подобная замена осложняется и носит неоднозначный характер.

Не надо думать, что объективные выражения, являясь гомогенными характеристиками ситуации, отдаляются от эмпирического контекста и теряют ситуативную природу. Объективные выражения описывают тот уровень концептуализации, который Гарфинкель называет *ad hoc* концептами, что можно определить и как «ситуативные понятия». Если классическое определение понятия подразумевает совокупность существенных признаков явления, которые независимы от эмпирического контекста, то этнометодология посредством внесения *ad hoc* концептов пытается превратить вневременные и непоколебимые содержания понятий в локально условные конструкции, которые всегда подвержены изменениям: понятие, которое в какой-то момент интеракции имеет значение серьезного суждения в ином контексте может приобрести иронический оттенок. Значит, любое понятие или взгляд являются социально конструируемыми.

Что создает основу замены индексных выражений *ad hoc* концептами и, соответственно, возможность составления рефлексивных отчетов о них? Гарфинкель принципиально разделяет тезис о том, что в самых обычных повседневных делах существует когнитивный порядок. Каждодневные практики имеют социально организованный характер. Следовательно, рациональность индексных выражений сохраняет характер рутинной практики. Этот порядок акторы признают само собой разумеющимся и латентно осуществляют его в повседневной жизни.

Таким образом, требование объективности выдвигает всякая социальная теория, которая претендует на обоснованное знание о социальной реальности. Среди теорий, ориентированных на субъекта и структуры, водоразделом не может являться то, что первая отрицает объективность знаний о социальном, а вторая допускает ее. Отрицающие структуру и акцентированные на субъекта социальные теории «вынуждены» внести такой критерий обоснования знания, который «больше» отдельного индивида и не сводится к нему. При этом признается связь такого критерия с опытом, ситуацией, контекстом. Это своего рода «ситуативная объективность», которая пытается создать гомогенность и порядок в представлениях о вечно меняющемся социальном мире. Соответственно, необходимо различать в представлениях «правильные» и «неправильные», «истинные» и «ложные», «приемлемые» и «не приемлемые». В этом случае отрицается либеральный плюрализм и релятивизм: легитимация альтернативных точек зрения возможна лишь в определенных рамках, когда для этого имеются соответствующие объективные основания.

Когда возможно отрицание объективности знания о социальном? Отрицание объективности социального знания должно удовлетворять следующим требованиям:

— какая-либо рефлексия социальной реальности не должна претендовать не только на то, что она является рефлексией «самой по себе» (независимо от субъекта) существующей реальности, но и на то, чтобы между субъективно конструируемыми реальностями различать «правильные» и «неправильные» конструкции;

— отвергнуть существование любого методологического инструмента для того, чтобы достичь объективного знания, даже, квази-объективного, трансситуативного знания.

Какой из подходов удовлетворяет указанным требованиям?

Как было показано, одно лишь утверждение того, что не существует социальной реальности «самой по себе» и что она всегда пронизана субъективными значениями, является обязательным, но недостаточным условием для обоснования антиобъективизма. Об этом хорошо пишет один из исследователей: «Социальные аналитики редко или вовсе не в состоянии стать нейтральными наблюдателями. Не существует какой-то архимедовой точки, в которой кто-нибудь сможет выскочить из социальных отношений и взаимообусловленности человеческих знаний. Культуры и „населяющие их субъекты“ оснащены властью, которая в свою очередь формируется самой культурой. Во время анализа форм социального знания, независимо от того связано ли это знание с аналитиками или с обычными акторами, необходимо учитывать их социальную позицию» [12. Р. 171].

Обоснование антиобъективности требует признания того, что тенденциозность социального знания не ограничена, т.е. не существует такого уровня анализа, который сделал бы рефлексию валидной.

С уверенностью можно сказать, что полноценное осуществление проекта антиобъективизма возможно только в рамках постмодернистской социальной тео-

рии (соответственно, требование объективности должно быть признано частью программы модернизма).

Как указывают современные исследователи, для постмодернизма в целом характерна всеобщая и принципиальная «дедифференциация» [11. Р. 689]. В частности, постмодернизм отрицает такое сотрудничество между разными дисциплинами, которое сохраняет каждой из них свою автономность. Постмодернизм предлагает свободное смешение понятий и идей из философии, литературы, социологии, психоанализа, семиотики и т.д. Отрицание границ между науками вместе с отрицанием микро-, мезо- и макроуровней создает такой продукт, который не является адекватным ни для одной из отдельно взятой дисциплины. Именно это является свободной от всякой стратегии дедифференциацией, стиранием границ и различий, приводящим к ситуации, в которой все допустимо и сложные феномены могут иметь объяснение знакового, текстового, психоаналитического характера. Именно поэтому постмодернистская теория стремится обрести такой стиль, в котором глубинный анализ подменен квазипоэтическим языком, амбивалентной игрой слов: «Граница между наукой и искусством становится все более условной — герои постмодерна часто забывают, к какому из миров они принадлежат и как вести себя по отношению к ним» [9. Р. 304—305].

В таком случае социология теряет статус автономной дисциплины и превращается в эклектическую социальную теорию, которая допускает любую теоретическую рефлексию. Какие признаки характерны для постмодернистской социальной теории? Н. Моузелис указывает на три ее основные особенности [11. Р. 684].

1. Антиобоснованность. Постмодернисты отрицают любые теоретические усилия, направленные на поиск универсального критерия, который обеспечил бы социальную теорию надежным основанием. Они признают утопией любую попытку эпистемологического обоснования, любую попытку установления первичных принципов. Такой же утопией признают любую теорию, которая пытается сформулировать общие законы или общие схемы, которые помогут холистическому объяснению социального развития.

Антиобоснованность выражает точку зрения, которую Ж.-Ф. Лиотар охарактеризовал в своем «Состоянии постмодерна» как «коллапс метанарративов» [10. Р. 39]. Что такое метанарратив? По определению З. Баумана, это любой дискурс, который имеет претензию быть «надындивидуальным и надсоциальным судьей» [4. Р. 363] — универсальным эталоном для образцовой жизни. Это дискурс, в котором господствует алгоритм Достоевского: если Бога нет, то все дозволено. Примером метанарратива может служить точка зрения Дюркгейма, в соответствии с которой любое поведение асоциально, если оно не идентифицируется с коллективным сознанием. Коллективное сознание у Дюркгейма является источником универсальных стандартов. Метанарративом можно считать любую теорию, которая пытается объяснить общество на основе одного универсального принципа, будь то принцип социального прогресса, революции, рационализации, эмансипации или абсолютного духа. Универсалисты верят в то, что существует человеческое «должен», которое однозначно и выступает вполне надежной основой для

устройства социума. Суть постмодернизма состоит как раз в отрицании универсальных и несомненных стандартов. Лиотар называет это делегитимацией. По мнению Лиотара, постмодернизм, отрицая абсолютные стандарты, универсальные, надисторические категории, склоняется к локальным, исторически контекстуализированным нарративам прагматического типа. Такое знание толерантно к социальной дифференциации, к неопределенности и конфликтам. Место универсального духа, рационального знания и вооруженного им субъекта занимают «множества» разумов, субъектов и знаний, которые отражают различные социальные локации и истории. Соответственно, любой нарратив является лишь репрезентацией и интерпретацией множества социальных опытов (практик).

2. Децентрализация субъекта. Вторая атака постмодернизма направлена на одну из фундаментальных (феноменологических и герменевтических) традиций, в соответствии с которой субъект должен рассматриваться как основа любого анализа. В противоположность такому подходу в центре внимания постмодернизма оказывается не индивидуальный субъект, а социальные практики, которые не имеют связи с создавшими их акторами. У практик нет одного конкретного производителя, будь то класс, элита или группа интересов. У социальных феноменов нет центра, который обеспечил бы их руководящими принципами и общими целями. Таким образом, если современная культура утверждает «смерть Бога», то постмодернизм — «смерть человека», а точнее «смерть субъекта».

Лиотар не рассматривает субъекта как целостное, стабильное существо, придающее значение действию. По его мнению, субъект является лингвистической конструкцией, идеологической функцией. Субъекта конструирует язык в процессе интерпретации. Субъектом является то, что воссоздается в языковом дискурсе или формируется различными идеологиями, поэтому его необходимо заменить дискурсивными практиками. Эти практики (соответственно, субъекты) многообразны — противоречивы и иррациональны.

3. Отрицание идеи эмпирического подтверждения теории. Постмодернизм противостоит идее репрезентации и эмпирического подтверждения, он не принимает точку зрения, согласно которой социальная теория прямо или косвенно обязана осуществить репрезентацию «где-то там» существующей социальной реальности. Той реальности, которая структурирована и протекает во времени независимо от теории. Для постмодернистов не существует ничего «снаружи», что могла бы описать или объяснить социальная теория. Не существует никакого дуализма или какой-либо дистанции между теорией и эмпирической реальностью. Любой социальный феномен представляет собой символическую и теоретическую конструкцию. Сколько рефлексий, столько и реальностей. В результате происходит смещение от «эпистемологического» к «онтологическому» центру. «Онтологическая» перспектива делает возможным сосуществование и взаимопроникновение отличных друг от друга реальностей.

Указанное положение свидетельствует о том, что постмодернистская теоретизация характеризуется крайним релятивизмом, она утверждает, что всякая теоретическая конструкция в такой же мере является истинной или ложной, как и лю-

бая другая. Вот что пишет об этом З. Бауман: «Основная особенность постмодернизма — это вечный и неизменный плюрализм культур, общих традиций, идеологий, „форм жизни“, „языковых игр“, осознание и признание подобного плюрализма. Плюралистические предметы в постмодерном мире не могут быть упорядочены в эволюционном пространстве и времени в соответствии с преимуществами одних и недостатком других. Невозможна и их классификация в соответствии с „правильным“ или „неправильным“ решением проблем. Никакое знание не может быть оценено вне контекста культуры, традиций, языковых игр и т.д. Этот контекст делает знание возможным и обеспечивает его значение. Таким образом, не существует никаких критериев валидности, которые обосновали бы сами себя „вне контекста“» [3. Р. 194—195].

В современной научной литературе дается следующее определение постмодернизма: «Постмодернизм выражает современное движение мысли, которое отрицает тотальности, универсальные ценности, великие исторические нарративы, непоколебимые основы человеческого бытия и возможность объективного знания. Постмодернизм скептически настроен в отношении истины, единства и прогресса, отрицает элитизм в культуре, склоняется в сторону культурного релятивизма и с уважением относится к плюрализму, нестабильности и гетерогенности» [6. Р. 13].

Таким образом, можно сказать, что постмодернизм производит ревизию классической (модернистской) парадигмы объективности-субъективности. Точнее, объективизму в постмодернистском мышлении противостоит не субъективизм, а релятивизм. Постмодернизм не принимает даже теорий, ориентированных на субъект, поскольку в рамках субъективного подхода, как указывалось выше, требуется обоснование квази объективного (как транситуативного) знания. В постмодернизме субъект является такой же лингвистической и иррациональной конструкцией, как и все остальное.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Вебер М. Избранные произведения. — М.: Прогресс, 1990.
- [2] Дюркгейм Э. Метод Социологии // Дюркгейм Э. Социология. — М.: Канон, 1995.
- [3] Bauman Z. Is there a postmodern sociology? // The Postmodern Turn (New Perspectives on Social Theory). Ed. by Steven Seidman. — Cambridge University Press, 1998.
- [4] Bauman Z. Postmodernity, or Living with Ambivalence // Contemporary Social Theory. Ed. by Anthony Elliot. — Blackwell Publishers, 1999.
- [5] Blumer H. Symbolic Interactionism. — Berkeley: University of California Press, 1969.
- [6] Eagleton T. After Theory. — New York: Basic Books, 2003.
- [7] Garfinkel H. Studies in Ethnomethodology. — NJ: Prentice-Hall, 1967.
- [8] Harvey D.W. Explanation in Geography. — London: Edward Arnold, 1969.
- [9] Harvey D. Postmodernism // Contemporary Social Theory. Ed. by Anthony Elliot. — Blackwell Publishers, 1999.
- [10] Lyotard J-F. The postmodern condition: A report on knowledge. — Minneapolis: University of Minnesota Press, 1984.
- [11] Mouzelis N. The Poverty of Sociological Theory // Sociology. — Vol. 27. — № 4. — November. — 1993.

- [12] *Rosaldo R.* Subjectivity in social analysis // *The Postmodern Turn (New Perspectives on Social Theory)*. Ed. by Steven Seidman. — Cambridge University Press, 1998.
- [13] *Weber M.* *The Methodology of the Social Sciences*. Edward Shils and Henry Finch (eds.) — New York: Free Press, 1949.

THE ISSUE OF OBJECTIVITY IN SOCIAL SCIENCES

I. Kachkachishvili

Sociology and Social Work Chair
Tbilisi State University
Chavchavadze str., 14, Tbilisi, Georgia, 0179

The article is devoted to the analysis of the major approaches to the issue of objectivity pertaining to the humanities and offers different alternatives of its solution provided by the contemporary Western sociological thought.